

Фёдор Буслаев

**История русской
литературы**

Вып. 2.

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Б92

Б92 **Буслаев Ф.И.**
История русской литературы: Вып. 2. / Фёдор Буслаев – М.: Книга по Требо-
ванию, 2023. – 269 с.

ISBN 978-5-4241-3605-4

Лекции, читанные его императорскому высочеству наследнику цесаревичу
Николаю Александровичу.

ISBN 978-5-4241-3605-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Повѣсть 1-я: *Объ Арсеніи*. Въ нѣмецкой рукописи: „Аббатъ Арсеній сидѣлъ въ своей кельѣ. И былъ ему гласъ: иди и смотри дѣла человѣческія. Тогда увидѣлъ онъ, какъ нѣкоторый человѣкъ черпалъ воду изъ колодезя въ разбитый сосудъ, изъ котораго вода тотчасъ-же выливалась назадъ“ и проч. Потомъ видѣлъ Арсеній эіюпа, сѣкущаго дрова, и двоихъ всадниковъ, тащившихъ бревно поперекъ: однимъ словомъ, это совершенно тотъ же рассказъ, который испованъ вѣку помѣщается въ нашихъ Прологахъ, подъ 3-мъ числомъ декабря: *Слово Преподобнаго Отца нашего Арсенія о дѣлахъ человѣческихъ*. „Однажды сидѣлъ я въ кельѣ (говорилъ отецъ Арсеній) и былъ мнѣ гласъ: пойдемъ я покажу тебѣ дѣла человѣческія. Вставши, вышелъ я на нѣкоторое мѣсто. И показать мнѣ ангелъ Господень эіюпа, рубившаго дрова. Эіюпъ наложилъ тяжелое беремя и хотѣлъ нести, но не могъ. Вмѣсто того, чтобъ отложить отъ беремья, онъ вновь рубилъ дрова и все прибавлялъ ихъ къ беремю. Прошолъ я немного, и показалъ мнѣ ангелъ человѣка, который изъ колодезя черпалъ воду въ утлую кадъ, изъ которой вода опять выливалась въ колодезь.... Потомъ увидѣлъ я храмъ, и два человѣка, сиди на коняхъ, тащили дерево поперекъ, другъ противъ друга, и желали въѣхать въ ворота храма, но не могли, потому что дерево было поперекъ, и ни тотъ, ни другой не хотѣлъ посторониться, чтобъ провести дерево въ длину, и такъ оба оставались за воротами. *Толкованіе*. Это люди, творящіе добро съ гордынею: они не хотятъ слѣдовать по смиренному пути духовному, и потому остаются внѣ Царствія Божія. Рубящій же дрова это тотъ, кто живетъ во многихъ грѣхахъ и вмѣсто покаянія только прибавляетъ новыя беззаконія къ прежнимъ, а почерпающій воду—тотъ, кто творитъ добрыя дѣла, но отъ грѣховъ не отказывается, и тѣмъ погубляетъ мзду свою отъ Бога. Всякому человѣку надлежитъ съ чистотою добродѣтель стяжать, чтобъ не понапрасну трудиться.“ (Пфейфферъ, не зная этого византійскаго источника, указываетъ только на 163 главу Золотой Легенды Якова де Ворагине *).

Повѣсть 8-я, *О нѣжныхъ супругахъ*, необыкновенно граціозна и украшена творческимъ воображеніемъ западныхъ проповѣдниковъ,

*) Яковъ де Ворагине Генуэзскій архіепископъ XIII в. изъ Доминиканскихъ монаховъ.

хотя основнымъ своимъ мотивомъ восходить къ источникамъ, общимъ и у насъ, и на Западѣ. Вотъ ея наивное содержаніе. Были мужъ и жена. Такъ любили они другъ друга, что никогда между ними не было ни малѣйшей размолвки. Другъ друга предупреждали во всякой нѣжности. Когда мужъ подходилъ къ женѣ, она уже спѣшила ему навстрѣчу. Если кому изъ нихъ случалось что вкусное съѣсть, то непременно приносилъ домой другому въ гостинецъ. Другъ друга иначе не звали, какъ милое ладушко*), и такъ жили они ровно двѣнадцать лѣтъ. Однажды мужъ отправился съ товарами въ другой городъ. Тамъ случилось ему быть въ гостинницѣ, гдѣ угощали его отличнымъ виномъ. Такъ оно понравилось ему, что онъ взялъ съ собою цѣлую бутылку его въ гостинецъ женѣ; привязалъ къ сѣдлу и поѣхалъ. Къ ночи попалъ онъ въ лѣсъ, гдѣ вздумалъ переночевать. Привязалъ коня къ дереву, а самъ легъ на травѣ, положивъ бутылку подъ головы; но тотчасъ же замѣтилъ подъ кустами и деревьями множество бѣсовъ, страшно перепугался, однако рѣшился притвориться спящимъ. И вотъ посреди поляны бѣсы поставили престолъ, посадили на него самого сатану, и поодиначкѣ стали ему докладывать, гдѣ кто изъ нихъ былъ и что дѣлалъ. Одинъ говорилъ: „я поссорилъ христіанъ съ язычниками“; иной говорилъ то, иной другое, тотъ рассказывалъ о воровствѣ, тотъ объ убійствѣ, и т. п. Когда кончили всѣ, сатана обратился къ одному чорту и сказалъ: „Ну, а ты что сдѣлалъ?“ Этотъ нечистый былъ приставленъ именно къ тѣмъ вѣрнымъ супругамъ, о которыхъ идетъ рѣчь. „Я ничего не могъ сдѣлать—отвѣчалъ бѣсъ: цѣлыя двѣнадцать лѣтъ преслѣдовалъ я одного мужа и его жену, и ни разу не удалось мнѣ поссорить ихъ“. На это воскликнулъ сатана: „такъ ступай же въ адъ! въ тебѣ нѣтъ здѣсь никакого проку!“—„О, господишъ мой!—взмолился бѣсъ: оставь меня здѣсь! вонъ тамъ я вижу лежить тотъ мужъ и спить, подъ головами у него бутылка съ виномъ, онъ везетъ въ гостинецъ своей женѣ. Я влѣзу въ бутылку, и когда жена станетъ изъ нея пить вино, я войду въ нее, стану досаждать ея мужу, и онъ непременно ее разлюбитъ.“—„Хорошо ты выдумалъ—отвѣтствовалъ сатана: оставайся же, и дѣлай, какъ знаешь.“ А добрый человѣкъ между тѣмъ все это слышалъ съ ве-

*) Въ подлинникѣ: liches bœelin, отъ buole—любезный.

ликимъ ужасомъ, но про себя думалъ: „Войти-то ты войдешь, проклятый, въ эту бутылку, только нескоро изъ нея вырвешься“. И такъ чортъ влѣзъ въ бутылку, а мужъ, заткнувъ отверстіе, произнесъ заклианіе: „Заклинаю тебя, именемъ Иисуса Христа, своего Бога, чтобъ ты никогда не могъ вредить ни одному человѣку, и чтобъ безъ моего приказанія не смѣлъ вылѣзть изъ бутылки“. Потомъ привязалъ бутылку къ сѣдлу и поѣхалъ домой, а бутылка во всю дорогу подпрыгивала, потому что изъ всѣхъ своихъ силъ бился въ ней чортъ. Когда хозяинъ воротился домой, радостно встрѣтила его жена и спрашивала, чего привезъ онъ ей въ гостинецъ. „Я привезъ тебѣ бѣса!“ сказалъ мужъ. „Ахъ, мой милый—воскликнула жена: что это такое говоришь ты?“—„Я говорю правду“—отвѣчалъ мужъ; взялъ бутылку и повѣсилъ на гвоздь. Бутылка стала подпрыгивать. „Видишь, какъ онъ пляшетъ!“ сказалъ мужъ. „Вижу, но что это такое?“ Мужъ разсказалъ свое странное приключеніе; а бутылку такъ и держали въ домѣ цѣлыя дѣи недѣли. Потомъ, не желая имѣть при себѣ такого непріятнаго гостя, они рѣшились отнести бутылку къ одному святому мужу, въ аббату въ монастырѣ. По этому случаю святой мужъ велѣлъ ударить въ набатъ и созвать мнѡжество народа изъ замковъ и деревень. Когда народъ собрался, аббатъ взялъ бутылку со врагомъ рода человѣческаго, высоко поднялъ ее и сказалъ слѣдующее: „Заклинаю тебя, нечистый духъ, именемъ Иисуса Христа, своего Бога! выходи вонъ и покажись въ томъ видѣ, какъ нѣкогда былъ ты въ небесныхъ ликахъ, и чтобъ никому не было отъ тебя бѣды, и чтобы всѣ тебя могли видѣть“. Бѣсъ вылетѣлъ изъ бутылки и показался прекраснымъ ангеломъ, свѣтлымъ, какъ солнце. Потомъ, по приказанію аббата, чортъ припалъ свой собственный видъ, ужасный и отвратительный. Тогда аббатъ сказалъ: „Ты хотѣлъ возмутить счастье вотъ этихъ вѣрныхъ супруговъ, и за то долженъ принять свою мзду. Ступай въ дикую пустыню, куда не заходилъ ни одинъ человѣкъ, и оставайся тамъ до Страшнаго Суда“. Лукавый бѣсъ пронесся прочь съ великимъ шумомъ и трескомъ, оставивъ по себѣ нестерпимую вонь, будто сокрушились цѣлыя горы и падали дома. Всѣ это видѣли, а супруги послѣ того наслаждались тѣмъ же счастьемъ и даже больше прежняго. „Чего да сподобимся и всѣ мы“—заключаетъ проповѣдникъ, оканчивая свою наивную проповѣдь.

Подробности о нѣжныхъ супругахъ, безъ сомнѣнія, принадлежать поэтическому воображенію католическаго проповѣдника, но официальный докладъ бѣсовъ своему сатанѣ, составляющій основу этой повѣсти, заимствованъ изъ аскетическихъ повѣствованій. Въ нашихъ Прологахъ, подъ 10-мъ числомъ ноября, читается слѣдующее *Слово душесполезно отъ Патерика*. „Разсказывалъ одинъ изъ Оивандскихъ старцевъ: „я былъ сынъ идольскаго жреца. Когда еще былъ я малъ, саживалъ въ храмъ идольскомъ, и много разъ видѣлъ, какъ мой отецъ приносилъ идоламъ жертвы. Однажды тайно вошелъ я вслѣдъ за нимъ и увидѣлъ: сидитъ сатана и передъ нимъ воины. И вотъ одинъ изъ бѣсовъ кланяется ему. Сатана спросилъ его: „откуда пришолъ ты?“ Тотъ отвѣтствовалъ: „я воздвигнулъ брань и сотворилъ пролитіе крови, и пришолъ возвѣститъ тебѣ о томъ.“ И сказалъ ему сатана: „во сколько времени все это сотворилъ ты?“ Тотъ отвѣчалъ: „въ теченіе сорока дней.“ И велѣлъ его сатана бить, воскликнувъ: „это столько времени потерялъ ты!“ Потомъ пришолъ другой и поклонился, и на вопросъ: „откуда пришолъ?“ отвѣтствовалъ: „я былъ на морѣ и воздвигъ вѣтеръ, и, потопивъ корабль, погубилъ множество народу, и вотъ пришолъ возвѣститъ тебѣ.“ Сатана спросилъ: „во сколько времени совершилъ ты это?“ — „Въ двадцать дней.“ Но его велѣно было бить за промедленіе. Пришолъ третій и поклонившись сказалъ: „вонъ въ томъ городѣ былъ бракъ, и я воздвигнулъ брань и многое кровопролитіе сотворилъ, и поссорилъ жениха съ невѣстою, и пришолъ возвѣститъ тебѣ.“ Но и этого много били за промедленіе, потому что только на это одно употребилъ онъ цѣлые десять дней. Но вотъ пришолъ еще одинъ изъ лукавыхъ служителей и говорилъ: „былъ я въ пустынь, тридцать лѣтъ боролся съ однимъ монахомъ, и только въ эту ночь успѣлъ искутить его блудной страстью.“ Слышавъ это, сатана всталъ, снялъ вѣнецъ со главы своей и возложилъ на голову лукаваго духа, и, посадивъ его съ собою на престолѣ, сказалъ: „великое дѣло сотворялъ ты.“ И присовокупилъ къ этому благочестивый старецъ: „во истину все это я видѣлъ, и, помывъ о томъ, какъ великъ чинъ монашескій, вышелъ изъ идольскаго храма, и вступилъ въ монахи.“*)

*) Пфейфферъ не знаетъ источниковъ этой 8-ой повѣсти.

Повѣсть 20-я. *О мальчикѣ, дающемъ хлѣбъ Иисусу Христу—младенцу.* Въ нѣмецкой рукописи эта повѣсть предлагаетъ такой же художественный образецъ средневѣковой легенды, какъ предшествовавшая есть самая наивная новелла. Повѣсть о мальчикѣ, дающемъ Иисусу Христу хлѣбъ, пронизана такимъ глубокимъ и нѣжнымъ чувствомъ, что производитъ на душу точно такое же впечатлѣніе, какъ религіозныя картины средневѣковыхъ живописцевъ, которые принимались за свою благочестивую работу съ постомъ и молитвою: и—что особенно для насъ важно—ученый нѣмецкій издатель также не знаетъ источниковъ этой граціозной легенды, между тѣмъ какъ у насъ она доселѣ сохраняется въ своемъ первоначальномъ видѣ между аскетическими повѣствованіями.

Но вотъ ея поэтическое содержаніе по нѣмецкой рукописи. „Одинъ школьникъ, мальчикъ-монахъ, ежедневно заходилъ въ церковь, идя въ свое училище, а въ церкви на алтарѣ стояло изображеніе Богоматери съ Иисусомъ младенцемъ. И вскій разъ этотъ мальчикъ подходилъ къ изображенію и, въ своемъ простодушіи, предлагалъ младенцу Христу хлѣбъ, который бралъ съ собою въ училище. И такъ говорилъ тотъ мальчикъ изображенію Иисуса Христа: „Милостивый Владыко и преблагій (въ рукописи, вселюбезнѣйшій) младенецъ! всегда былъ ты бѣденъ, когда жилъ въ этомъ мірѣ: не презри же вкусить отъ моего хлѣба.“ Младенецъ Иисусъ, сидящій въ лонѣ своей Матери, взялъ отъ мальчика хлѣбъ и ѣлъ вмѣстѣ съ нимъ. Мальчикъ необычайно былъ радъ и каждый день удостоивался той же милости; потому онъ учился хорошо и все помнилъ, чему его учили. Однажды утромъ, когда онъ, по обыкновенію, пришолъ въ церковь съ хлѣбомъ, Предвѣчный Младенецъ, сидя въ лонѣ своей Матери, сказалъ ему слѣдующее: „долго ли Я буду ѣсть твой хлѣбъ? Когда же ты вкусишь моего?“ Мальчикъ отвѣтствовалъ: „но вѣдь Ты бѣденъ и у Тебя ничего нѣтъ, но я съ радостью готовъ съ Тобою вкусить хлѣба, потому что Ты Господь Иисусъ Христосъ.“ Тогда Младенецъ сказалъ: „Я приглашу тебя вкусить отъ моихъ сладкихъ яствъ и воздамъ тебѣ мзду за все добро, которое ты Мнѣ дѣлалъ своимъ хлѣбомъ.“ Мальчикъ-монахъ былъ необычайно радъ и спрашивалъ, когда ему приходитъ на обѣдъ. Младенецъ назначилъ ему черезъ семь дней. Бесѣду эту случайно слышалъ одинъ благочестивый монахъ,

бывшій тогда въ церкви. Иисусъ Христосъ велѣлъ мальчику пригласить на вкушеніе этихъ божественныхъ яствъ аббата того монастыря черезъ 30 дней, и монаха, который слышалъ ихъ бесѣду, черезъ сорокъ: и чтобъ оба они приготовились къ тому исповѣдью. Аббатъ сначала не хотѣлъ вѣрить словамъ мальчика, но его убѣдилъ тотъ монахъ, свидѣтель великому чуду. И вотъ черезъ семь дней скончался монахъ-мальчикъ и отошолъ къ той сладкой вечери и къ неизреченнымъ радостямъ вѣчнаго рай. Тогда-то уже окончательно убѣдился аббатъ, и сначала ужаснулся, но потомъ сталъ готовиться къ отшествію молитвою, сердечнымъ сокрушеніемъ и исповѣданіемъ грѣховъ, и на тридцатый день скончался, а черезъ сорокъ дней померъ и тотъ благочестивый монахъ, и всѣ трое сподобились они вкусить райской пищи и вѣчнаго блаженства.“

Этотъ поэтический рассказъ, оторванный отъ древнехристіанскихъ преданій на Западѣ, въ нашей письменности составляетъ эпизодъ изъ житія Онуфрія Великаго, пустынника Египетскаго. Этотъ подвижникъ, вскормленный ланью, въ самомъ раннемъ возрастѣ былъ приведенъ въ одинъ изъ египетскихъ монастырей. „Когда исполнилось ему семь лѣтъ—говорить наша рукопись *)—часто хаживалъ онъ къ хлѣбнику и выпрашивалъ у него ломоть хлѣба; пелъ въ церковную паперть, гдѣ была икона Пречистой Дѣвы Богородицы съ Младенцемъ Господомъ на рукахъ. Будучи еще несмысленнымъ отрокомъ, приступая къ иконѣ, Онуфрій бесѣдовалъ ко Младенцу, на рукахъ Дѣвическихъ держимому, на иконѣ изображенному, будто къ живому, говоря такія слова: „Ты такъ же малъ, какъ и я, но я хожу въ хлѣбню, спрашиваю себѣ хлѣба и ѣмъ, а ты никогда не ѣшь. Почему такъ? Прими же мою часть и вкуси.“ Тогда изображенный Младенецъ Христосъ, будто живой, простеръ руку свою и, принявши подаваемый Ему хлѣбъ,—казалось—сталъ его ѣсть; и это великое чудо совершалось не разъ, не дважды, но многократно **). Старецъ же хлѣбный замѣтивъ, какъ часто отрокъ Онуфрій беретъ хлѣбъ, началъ присматривать за нимъ, куда онъ хлѣбъ носитъ. Видя, что онъ идетъ съ хлѣбомъ въ церкви, пошолъ за нимъ издали и, подошедши къ паперти, узрѣлъ дѣющеся тамъ

*) По рукописному сборнику, принадлежащему мѣѣ.

**) Эта подробность оставила по себѣ слѣдъ въ нѣмецкой проповѣди.

чудо, и ужаснулся. Потомъ повѣдалъ о томъ игумену и прочимъ благочестивымъ старцамъ. Всѣ слышали и исполнились ужаса, а игумень далъ хлѣбнику наставленіе: „когда отрокъ Онуфрій попроситъ у тебя хлѣба, скажи ему, чтобъ онъ просилъ у Того, кому самъ столько разъ давалъ.“ Такъ хлѣбникъ и сдѣлалъ. Тогда Онуфрій, будучи голоденъ, сталъ плакать и во слезахъ пошелъ въ церковь и, приступивши къ изображенному Младенцу Христу, такъ сказалъ Ему: „Хлѣбникъ говоритъ, чтобъ Ты далъ мнѣ твоего хлѣба, а своего онъ не хочетъ давать.“ Тогда изображенный Младенецъ Христосъ подалъ ему хлѣбъ необыкновенный (въ рукописи—изряденъ), чистъ и бѣлъ, какъ снѣгъ, и тепелъ, а величиною таковъ, сколько возможно семилѣтнему отроку съ трудомъ понести. Онуфрій же, принявъ тотъ хлѣбъ, едва могъ его донести; приполъ къ игумену и, отрочески хваляся, говорилъ: „вотъ что далъ мнѣ Младенецъ Христосъ.“ Игумень, премного удивляясь такому чуду, созвалъ всѣхъ монаховъ и велѣлъ передъ ними хлѣбнику и самому отроку Онуфрію разсказывать все, какъ было. И всѣ прославили Господа Бога великимъ гласомъ, и раздробили хлѣбъ тотъ всѣмъ на благословеніе, а болящіе, вкушая отъ него, получали здравіе; отрока же Онуфрія всѣ чтили, какъ ангела Божія. Достигши десятилѣтняго возраста, Онуфрій пошелъ въ пустыню, какъ повѣствуется въ его житіи.

Изъ сличенія нашего сказанія съ нѣмецкимъ ясно чувствуется передѣлка первоначальнаго аскетическаго мотива на болѣе идеальный и мечтательный, въ стилѣ средневѣковаго Запада. Вкушеніе божественнаго хлѣба, во очію происшедшее въ пустынномъ египетскомъ монастырѣ, получило на Западѣ таинственное значеніе райской пищи въ вѣчной жизни, куда по смерти отходятъ, и мальчикъ, бесѣдовавшій съ изображеніемъ Христа, и оба монаха, между тѣмъ какъ Онуфрій идетъ въ пустыню спасаться.

Повѣсть 22-я. *О жидавскомъ мальчикѣ.* Въ нѣмецкой проповѣди повѣствуется, какъ однажды нѣкоторый мальчикъ изъ жидовъ, играя съ дѣтьми христіанъ, приполъ въ церковь и тамъ, вмѣстѣ съ другими, причастился Св. Таинъ. Жидъ, отецъ мальчика, узнавъ объ этомъ, бросилъ его въ горящую печь, въ которой однако онъ спасся отъ пламени, будучи покрытъ—какъ ему казалось—покровомъ Дѣвы Маріи, явившейся ему съ Младенцемъ Христомъ на рукахъ.

Ифейфферъ знаетъ только позднѣйшія стихотворныя передѣлки этого сказанія, XII и XIII в., между тѣмъ какъ неизвѣстный ему источникъ издавна читался на Руся грамотными людьми въ Скитскомъ Патерикѣ: *Сказаніе велми чудно о овчии пастушъ отроуцъ евреянннхъ, о немъ же и сотворися чудо веліе* *).

Повѣсть 31-я. *О благочестивомъ служителѣ*. Нѣмецкій проповѣдникъ рассказываетъ объ одномъ молодомъ человѣкѣ, который, пребывая на службѣ у одного могущественнаго вассала, всегда исполнялъ совѣты, данныя ему на разставаньи его отцомъ, а именно: во первыхъ, не пропускать ни одного дня безъ того, чтобъ не быть въ церкви у обѣдни, и, во вторыхъ, сочувствовать и радостямъ, и печалямъ тѣхъ, у кого будетъ служить, то есть, радоваться ихъ радостямъ и печалиться, когда они печальны. Но на этого кроткаго юношу навлеветалъ господину другой служитель, который въ проповѣди именуется Краснымъ. Красный коварно возбудилъ въ господинѣ ревность къ его женѣ, сказавъ, что тотъ кроткій и благочестивый юноша питаетъ къ ней сильную любовь, потому что бываетъ веселъ, когда она весела, и плачетъ, когда она печалится. Господинъ сталъ примѣчать, и дѣйствительно это замѣтилъ. Чтобъ отомстить юношѣ, онъ послалъ его въ одно мѣсто, гдѣ, по условному заранѣ знаку, должны были его сжечь, не говоря ни слова. Посланный юноша отправился, но, исполняя совѣтъ отца, на дорогѣ зашолъ въ церковь помолиться. Между тѣмъ Красный, въ полной надеждѣ, что дѣло уже кончено, отправился самъ навѣдаться о томъ, сожженъ ли юноша, но вмѣсто этого послѣдняго, который еще не бывалъ, самъ былъ схваченъ и брошенъ въ печь.

Вся эта новелла есть не что иное, какъ переложеніе на средневѣковыя нѣмецкія нравы одного слова отъ Патерика, помѣщеннаго въ нашихъ Прологахъ (подъ 30-мъ числомъ апрѣля), о томъ, *яко не достоитъ ити отъ церкви, егда поютъ*.

Этихъ подробностей почитаю достаточнымъ, для убѣжденія въ томъ, сколько общечеловѣческаго, европейскаго интереса въ тѣхъ литературныхъ памятникахъ нашей народной письменности, которые мы теперь изучаемъ, и какъ необходимо изученіе ихъ для познанія

*) По рукописи, принадлежащей мнѣ, глава 54, листъ 132 обор.

не только русской народности, но и основных элементов средне-вѣковой литературы западной, источники которой яснѣе для насъ, нежели для ученыхъ западныхъ.

Если наша новая литература послѣднихъ ста лѣтъ робко влачится по слѣдамъ западной, постоянно отъ нея отставая, то наша древняя и народная литература во многихъ отношеніяхъ можетъ выдержать соперничество съ любой изъ литературъ средневѣковаго Запада относительно древнѣйшихъ литературныхъ источниковъ, и, слѣдовательно, можетъ предложить много поучительнаго для европейскихъ ученыхъ.

Это убѣжденіе, основанное на очевидныхъ доказательствахъ, по достоинству должно питать нашу національную гордость.

Л Е К Ц І Я 33-я.

Читана 14-го апрѣля 1860 года.

Историческая и повѣствовательная литература древнехристіанская и византійская, перешедшая къ намъ изъ Болгаріи въ славянскихъ переводахъ, обнимала всѣ главнѣйшіе интересы благочестиваго читателя среднихъ временъ.

Палей (значить: ветхая, древняя) передавала въ подробныхъ разсказахъ съ различными объясненіями событія Ветхаго Завѣта, съ присовокупленіемъ апокрифическихъ статей, то есть, повѣствованій изъ священной исторіи вообще, Ветхаго и Новаго Завѣта, не принятыхъ церковію.

Хронографъ, служа продолженіемъ Палей, знакомилъ со всемірною исторіею, которая излагается въ немъ въ постоянной связи съ исторіею церкви. По отсутствію исторической критики Хронографъ смѣшиваетъ истину съ вымысломъ и къ событіямъ историческимъ присовокупляетъ множество любопытнѣйшихъ разсказовъ поэтическаго содержанія.

Патерики (или Отечники) и другіе повѣствовательные сборники назидательнаго содержанія предлагаютъ разсказы о подвигахъ, совершенныхъ тѣмъ или другимъ христіанскимъ подвижникомъ, часто какимъ нибудь безыменнымъ отшельникомъ, о семейныхъ сценахъ въ грубой и наивной обстановкѣ первыхъ вѣковъ христіан-

ства, о различных чудесахъ и восторженныхъ видѣніяхъ, естественно возникшихъ въ аскетическихъ умахъ той эпохи. Это было самое разнообразное и интересное чтеніе для нашихъ предковъ и притомъ чтеніе, легко усвояемое, потому что состояло въ отрывочныхъ разсказахъ, даже въ мелкихъ анекдотахъ.

Житія Святыхъ, то есть, историческія сказанія, а также Легенды и Повѣсти, присовокупляемыя къ житіямъ, съ замѣтною примѣсью творческаго воображенія—служили какъ бы продолженіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ Хронографовъ и Патериковъ.

Литературное обозрѣніе этихъ памятниковъ начнемъ съ Патериковъ, какъ потому что эти любопытные сборники относятся по своему происхожденію къ самымъ раннимъ произведеніямъ христіанской повѣствовательной литературы, такъ и потому что они особенно были распространены между нашими предками отъ XI-го вѣка и до позднѣйшихъ временъ.

Важнѣйшіе изъ переводныхъ Патериковъ слѣдующіе: Синайскій, Римскій и Скитскій. Впослѣдствіи изъ нихъ же составленъ былъ патерикъ Алфавитный, то есть сборникъ благочестивыхъ повѣствованій, расположенный въ алфавитномъ порядкѣ собственныхъ именъ дѣйствующихъ лицъ.

Начнемъ съ патерика Синайскаго. Авторомъ Синайскаго патерика былъ Іоаннъ Москъ († около 620 г.), монахъ въ Палестинѣ, сначала въ монастырѣ св. Θεодосія, потомъ подвизался онъ въ пустынѣ Иорданской и въ лаврѣ Савской. Воодушевленный благочестивою жизнію отшельниковъ, онъ не только практически подвизался въ ней, но и съ особенною любовью наблюдалъ надъ подвигами благочестія старцевъ Палестины; сверхъ того предпринялъ далекое странствіе по монастырямъ и пустынямъ Сиріи и Египта, былъ на отдаленномъ Западѣ, даже въ самомъ Римѣ. Плодомъ его наблюденій, распросовъ и бесѣдъ былъ именно этотъ Синайскій патерикъ (то есть, разсказы объ отшельникахъ горы Синаи), который впрочемъ по гречески извѣстенъ подъ именемъ Цвѣтущаго Луга (Λειμωνάριον), почему и у насъ назывался Лимонарь или Лимонисъ, а также извѣстенъ подъ именемъ Новаго Рая (Νέος Παράδεισος), а по латыни—Духовнаго луга или Вертограда (Pratum Spirituale). Этотъ знаменитый сборникъ разсказовъ Іоаннъ Москъ посвя-